

На правах рукописи

Иванова Галина Петровна

**ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В СИБИРСКОМ ГОВОРЕ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА
(в сопоставлении с пондальским говором
средневепского диалекта вепского языка
и другими прибалтийско-финскими языками)**

**Специальность 10.02.20
«Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание»**

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Новосибирск – 2015

Реферируемая работа посвящена описанию полипредикативных конструкций (ППК) в сибирском говоре средневепского диалекта вепского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Целью исследования является описание сложного и осложнённого предложения вепского языка в свете полипредикативного синтаксиса, проведение структурного, функционально-семантического и сопоставительного анализа ППК в сибирском и пондальском говорах средневепского диалекта на фоне других прибалтийско-финских и урало-алтайских языков.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи**:

- 1) выявление особенностей сибирского говора вепского языка и определение его места на диалектной карте вепского языка;
- 2) систематизация структурных типов ППК сибирского и пондальского говоров средневепского диалекта вепского языка;
- 3) описание стратегии оформления зависимого предиката и способов выражения субъекта зависимой части в монофинитных синтетических ППК;
- 4) характеристика синтаксических функций инфинитивов и причастий, выступающих в качестве зависимых предикатов в ППК вепского языка; выявление наиболее распространённых конструкций с инфинитивными предикатами в составе зависимых предикативных единиц (ЗПЕ) в исследуемых говорах;
- 5) сравнение выделенных типов конструкций с аналогичными типами конструкций в близкородственных прибалтийско-финских языках;
- 6) выделение моделей монофинитных и бифинитных ППК;
- 7) структурно-семантическая классификация аналитических скреп вепского языка;
- 8) описание семантических типов вепских ППК и средств их выражения;
- 9) характеристика особенностей вепских ППК на фоне других прибалтийско-финских языков и шире – урало-алтайских языков.

Положения, выносимые на защиту.

1. Сибирский говор является самостоятельным говором, входящим в восточную группу средневепского диалекта вепского языка. Источником формирования сибирского говора явились восточноевепские говоры, преимущественно куйско-пондальский. Основанием для выделения сибирского говора как самостоятельного служат различия на всех уровнях языка, выявленные при сопоставлении сибирского говора с куйско-пондальским, распространённым на исконной территории. Различия отмечаются в области фонетики, в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе.

2. В вепском языке отчетливо проявляется действие синтаксического механизма «предикативного склонения». Связь, с помощью которой соединяются части сложных предложений, выражается теми же средствами, что и между членами простого предложения, – падежными аффиксами.

3. Полипредикативные конструкции вепского языка представлены двумя структурными типами: монофинитные (синтетические) и бифинитные (с аналитическим пока-

зателем связи и без линейного показателя связи). Исконными для вепсского языка, агглютинативного по типу, являются монофинитные конструкции с инфинитным предикатом ЗПЕ.

4. В вепсском языке используются две стратегии оформления предиката ЗПЕ: причастная и инфинитивная. Причастная стратегия реализуется: 1) в определительных конструкциях; 2) в темпоральных ППК с предикатом ЗПЕ – пассивным причастием в форме партитива для выражения отношений следования. Инфинитивная стратегия служит для передачи целевых, темпоральных (одновременность) и изъяснительных отношений. Инессив, иллатив и партитив составляют ядро системы «предикативного склонения» в вепсском языке. На периферии этой системы находятся конструкции с III-м инфинитивом в падежных формах элатива, адессива и абессива, которые формируют только моносубъектные конструкции и передают значения образа действия или дополнительного действия, сопутствующего основному.

5. Субъект ЗПЕ в вепсских ППК может быть выражен: 1) именем в генитиве и номинативе; 2) притяжательным суффиксом личных местоимений, которые находятся в синтаксической позиции объекта в главной предикативной единице (ГПЕ); 3) нулевым показателем, если субъекта нет или он совпадает с субъектом главной части, а также если он не определён или мыслится обобщённо (в неопределённо-личных и обобщённо-личных предложениях).

6. Самыми употребительными монофинитными синтетическими конструкциями являются ППК с I-м инфинитивом и III-м инфинитивом в форме иллатива в ЗПЕ, которые передают отношения цели (70 % всех синтетических конструкций в картотеке), а также ППК с зависимым предикатом – пассивным причастием в партитиве, которые используются в речи сибирских и пондальских вепсов для выражения следования. Система монофинитных синтетических конструкций в вепсском языке не утрачена, монофинитные ППК функционируют в обоих говорах.

7. Аналитические ППК в вепсском языке более употребительны, чем синтетические: они составляют 2/3 всех анализируемых конструкций. Мы насчитываем более 50 аналитических скреп, в то время как синтетических монофинитных конструкций всего 8: в них задействованы три инфинитива и одно причастие, к которым могут присоединяться аффиксы трех из шести возможных падежей – инессива, иллатива и партитива.

8. Бифинитные ППК без союзного показателя связи составляют треть всех проанализированных бифинитных конструкций. Использование бессоюзной связи в основном ограничено причинной семантикой, реже бессоюзно оформляются условные и изъяснительные отношения.

9. В других прибалтийско-финских языках полипредикативные конструкции функционируют сходным образом с вепскими. Основной состав инфинитных форм, падежей, способов оформления субъекта ЗПЕ в синтетических конструкциях один и тот же. Во всех прибалтийско-финских языках идёт процесс вытеснения исконных монофинитных синтетических конструкций бифинитными (союзными или бессоюзными). Этот процесс зави-

сит от социолингвистической ситуации и более активно проходит в бесписьменных языках.

10. Особенности вепских ППК в сопоставлении с урало-алтайскими языками следующие:

а) в большинстве случаев сказуемыми ЗПЕ в синтетических ППК являются инфинитивы;

б) инфинитные формы в функции сказуемых ЗПЕ не имеют личного оформления, т. е. не спрягаются;

в) инфинитное сказуемое ЗПЕ не сочетается с послелогоми. В вепском языке отсутствует аналитико-синтетический тип ППК;

г) синтаксические отношения подчинения ЗПЕ выражаются чаще союзами, реже – бессоюзно и редко – аффиксами падежей;

д) порядок следования частей ППК относительно свободный.

11. Вепский язык демонстрирует высокую степень устойчивости грамматической системы, несмотря на сильное влияние со стороны русского языка и близкородственных языков. Влияние русского языка больше всего проявляется в лексике и синтаксисе. В синтаксисе оно обнаруживается в том, что самые распространённые конструкции в речи сибирских и пондальских вепсов – бифинитные; большинство одноместных многокомпонентных и неодноместных скреп строится по моделям, заимствованным из русского языка; в монофинитных синтетических конструкциях субъектная часть располагается в постпозиции к зависимому сказуемому. Исконные ППК с инфинитными сказуемыми в ЗПЕ в той или иной падежной форме в языке не утрачены.

Актуальность проведенного исследования определяется недостаточной изученностью вепского языка в целом и его синтаксиса в частности. В отечественной лингвистической науке представлены два описания грамматической структуры вепского языка, каждое из которых опирается на один из говоров: пелдушский – западный говор средневепского диалекта [Хмяляйнен 1966]; шимозёрский – восточный говор средневепского диалекта, ныне уже не существующий [Зайцева М.И. 1981]. Обобщающие описания других говоров отсутствуют. Ввиду того, что численность говорящих на вепском языке стремительно сокращается (особенно в Сибири), существует настоятельная необходимость описать редкую языковую ситуацию – функционирование одного говора на расстоянии более шести тысяч километров от другого, которая сложилась в связи с массовым переселением вепсов Пондалы в Сибирь.

В связи с этим данное диссертационное исследование, с одной стороны, восполняет имеющиеся в науке лакуны в области описания синтаксиса вепского языка, а с другой, представляет материалы по мало изученному говору вепсов, проживающих в Сибири, который на протяжении почти целого столетия развивался в отрыве от материнского говора. Этим обусловлена другая сторона актуальности нашей работы – социолингвистическая: фиксация и введение в научный оборот данных по одному из языков, находящихся под угрозой исчезновения, развитие разных идиомов которого проходило изолированно.

Новизна работы. Впервые в свете теории полипредикации выявлены модели ППК вепсского языка, проведена их полная и последовательная структурная и функционально-семантическая классификация в сравнительно-сопоставительном аспекте. Выделены и описаны модели ППК с инфинитными сказуемыми в ЗПЕ (инфинитивами и причастиями), которые ранее системно не рассматривались. Существенно дополнена уже имеющаяся в грамматике вепсского языка классификация аналитических скреп. Материалы по сибирскому говору представляются впервые. Сравнительно-сопоставительное исследование ППК сибирского и пондальского говоров вносит уточнения в диалектную карту вепсского языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в использовании теории полипредикативного синтаксиса, разработанного представителями новосибирской синтаксической школы Е. И. Убрятовой и М. И. Черемисиной первоначально на материале сибирских тюркских языков, по отношению к одному из прибалтийско-финских языков, что доказывает возможность широкого применения данной теории в типологических исследованиях языков разных систем. В реферируемой диссертации выработаны принципы выделения и описания сложных и осложненных предложений как единиц языка в вепсском языке, а также сформулированы основы их классификации, которые могут быть использованы при описании соответствующих систем и в других прибалтийско-финских языках.

Итоги проведенного исследования могут получить **практическое применение** при составлении учебников и учебных пособий по родному языку для школ с преподаванием вепсского языка, при разработке вузовских курсов по прибалтийско-финскому языкознанию, а также могут быть учтены в типологических исследованиях языков мира.

Работа базируется на **материале**, собранном автором в семи экспедициях: к сибирским вепсам – в 2006–2011, 2013 гг.; к пондальским вепсам – в 2012 г. Картотека примеров составляет около 5000 единиц. Из них около 2000 примеров получено во время полевых исследований вепсского языка от информантов. Эта часть материала представляет собой анкеты, разработанные первоначально сотрудниками Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН для сбора материала по полипредикативным конструкциям в тюркских языках Южной Сибири и в бурятском языке и адаптированные к задачам собственного исследования. Кроме того, примеры по сибирскому говору были извлечены из текстов Александра Сергеевича Ульянова, написанных им в жанрах эссе, бытовых и автобиографических рассказов (их объем составляет 35 страниц машинописного текста). Также использовались имеющиеся на вепсском языке печатные источники: проанализировано около 3000 предложений, относящихся, в основном, к средневепсскому диалекту, и небольшое количество (100 предложений) – к северновепсскому и южновепсскому диалектам.

Вепсский язык принадлежит к урало-алтайским языкам, что даёт основание предполагать в нём наличие механизмов построения полипредикативных конструкций, принципиально сходных с механизмами других урало-алтайских языков. Поэтому **теоретической и методологической базой исследования** являются работы представителей новоси-

бирской синтаксической школы: Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой и их последователей (Т. И. Боргояковой, Л. М. Бродской, С. И. Бурковой, Н. Н. Коваленко, Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарёвой, А. А. Мальцевой, Е. К. Скрибник, Т. П. Филистович, Л. А. Шаминой и др.), посвященные изучению полипредикативных конструкций в разных урало-алтайских языках; а также работы по вепсскому языку (И. В. Бродского, Т.-Р. Вийтсо, М. И. Зайцевой, Н. Г. Зайцевой, Л. Кеттунена, А. Кяхрик, Л. Пости, И. Савиярви, П. Сиро, Э. А. Тункело, А. Турунена, М. М. Хямяляйна); кроме того, отечественные работы по структурному, семантическому и функциональному синтаксису В. А. Белошапковой, А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, С. Г. Ильенко, А. Ф. Прияткиной, В. С. Храковского, Н. Ю. Шведовой и др.

Основной метод работы – описание современного состояния одного из фрагментов грамматической системы вепсского языка с привлечением структурно-семантического анализа. Применялись также методы первичного наблюдения, полевые методы работы с информантами, классификационный, метод моделирования, сравнительно-сопоставительный, количественных подсчетов и др.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на Всероссийской научной конференции «Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2007 г.), на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 2008 г.), на 39-й Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2009 г.), на 3-й Международной конференции по самодистике (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, НГУ, 2010 г.), на ежегодной региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2011 г., 2012 г.), на Всероссийской конференции «Сибирь в исторической перспективе» (Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, 2012 г.). Результаты работы обсуждались на заседании Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН. По теме диссертации имеется 7 публикаций, из них 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

В первой главе «Статус языка сибирских вепсов и теоретические основы описания полипредикативных конструкций» дается характеристика объекта исследования – языка сибирских вепсов, описываются его отличительные особенности по сравнению с другими говорами и диалектами вепсского языка, распространенными в европейской части России, а также формулируются теоретические принципы изучения полипредикативных конструкций в языках разных систем.

В Аларский район Иркутской области мигрировали вепсы из Бабаевского района Вологодской губернии (д. Пондала, Куя, Войлахта и др.) – самого восточного района рас-

селения вепсов. Поэтому по своей фонетической и грамматической структуре язык сибирских вепсов относится к средневепсскому диалекту и входит в группу восточных говоров. При первичном наблюдении речь сибирских вепсов почти не отличается от речи их соотечественников на Пондале. Языковая система на примере существования этих двух говоров демонстрирует достаточную устойчивость, особенно в области именного словоизменения.

Однако при детальном анализе материала, записанного у сибирских вепсов в Аларском районе и у вепсов Пондалы, обнаружались некоторые фонетические и грамматические различия. Сравнение проводилось на основании собственных экспедиционных материалов, а также по данным, приведённым в следующих источниках по вепсскому языку: [Бродский 2008; Зайцева М.И. 1981; Зайцева М.И., Муллонен 1969; Зайцева М.И., Муллонен 1972; Зайцева Н.Г. 1981; Зайцева Н.Г. 2002; Zaitseva 2001].

В первом параграфе «Особенности сибирского говора и его место среди диалектов вепсского языка» сибирский говор рассматривается в сравнении с материнским – куйско-пондальским (далее – пондальским) говором, определяется место сибирского говора среди диалектов вепсского языка. Система именного словоизменения в сибирском говоре стабильна и устойчива. Расхождения отмечены в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе. В системе глагольного словоизменения они касаются личностных окончаний в презенсе и имперфекте, употребления активных и пассивных форм, образования отрицательных форм глагола.

В пондальском говоре пассивные формы для обозначения 3-го л. мн. ч. встречаются чаще, чем активные. Но существенного преобладания пассивных форм над активными не наблюдается. В сибирском говоре пассивная форма в функции 3-го л. мн. ч. презенса и имперфекта индикатива преобладает над активной формой, что, несомненно, вызвано влиянием русского языка.

В образовании отрицательных форм имперфекта индикатива ед. и мн. ч. в сибирском говоре в ед. ч. используется два варианта суффикса II-го причастия актива с показателями *=nu* и *=nd*. Во мн. ч. основной глагол может стоять в форме II-го причастия актива с формантом *=goi / =koi* или в форме причастия пассива с суффиксами *=tut / =tud / =dut / =dud*. В сибирском говоре зафиксировано также использование пассивного причастия с архаичным суффиксом *=tu (~=t)*.

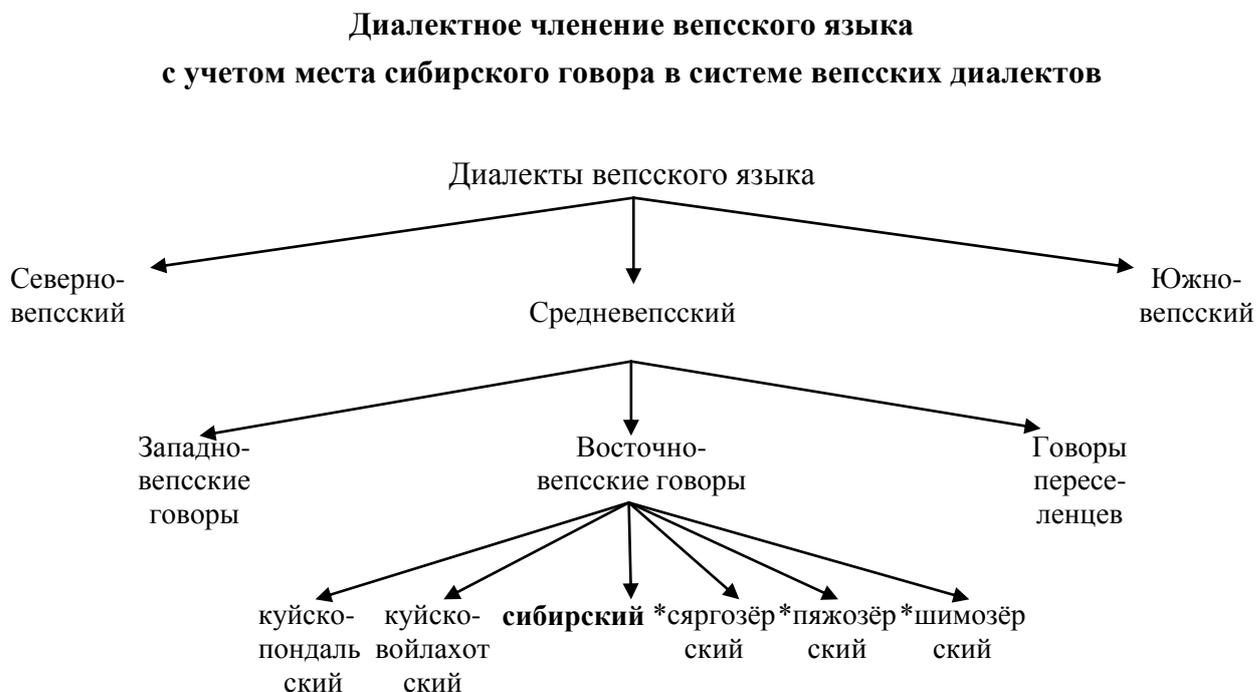
Синтаксис пондальского говора можно охарактеризовать как бифинитный бессоюзный (обязательного союзного оформления требуют только определительные и временные конструкции). Синтаксис сибирского говора – бифинитный союзный с собственными средствами связи. Синтетические полипредикативные конструкции в равной мере малоупотребительны в речи вепсов Пондалы и Сибири, но механизм предикативного склонения достаточно устойчиво сохраняется в их языковой памяти.

Основываясь на приведённых языковых расхождениях, учитывая значительный временной разрыв, в течение которого пондальский и сибирский говоры развивались самостоятельно, а также тот факт, что источниками формирования сибирского говора в той или иной степени были все восточные говоры средневепсского диалекта: куйско-

пондальский, куйско-войлахотский, пязозёрский, сяргозёрский и шимозёрский, – мы считаем сибирский говор самостоятельным говором, входящим в восточную группу средне-вепского диалекта вепского языка.

Диалектное членение вепского языка можно представить в следующем виде (см. Схему 1).

Схема 1



Во втором параграфе «Теория полипредикации и принципы описания полипредикативных конструкций в языках разных систем» вводится понятие *полипредикативная конструкция*, приводится классификация средств связи частей ППК, предикативное склонение рассматривается как механизм соединения ГПЕ и ЗПЕ, единый для всех языков агглютинативного типа.

В третьем параграфе «Глагольная система вепского языка» дается краткая характеристика грамматических категорий финитных и нефинитных форм глагола, определяющих особенности структуры синтаксических конструкций. В вепском языке, как и в других языках, у финитных форм только одно назначение: они выступают в предложениях в одной и той же синтаксической роли – независимых сказуемых. Функции инфинитных форм сводятся к двум типам: один из них связан с участием инфинитных форм в выражении сказуемости в простом предложении, второй с выражением зависимого, дополнительного, второстепенного сказуемого – вершины зависимой части в разных ППК. В соответствии с функцией первого типа, инфинитная форма может выступать как простое сказуемое или являться знаменательным компонентом составного сказуемого. Второй тип функций связан с объединением в сложном или осложнённом предложении двух или более сообщений, по-разному связанных между собой: посредством установления логических связей между событиями (диктум-диктумные отношения: временные, причинные,

условные, уступительные, целевые и др.); посредством установления отношений тождества предметов, участвующих в двух ситуациях (релятивные отношения); посредством установления отношений изъянчительного (модус-диктумного) типа, при которых ситуация, описанная с помощью инфинитной формы, содержит субъективную интерпретацию другого события, восполняет недостаточность сильно управляющего глагола в составе ГПЕ.

В четвёртом параграфе приводятся критерии выделения структурных типов полипредикативных конструкций: 1) способ выражения сказуемого ЗПЕ (финитный глагол или инфинитная форма); 2) характер показателя связи (аналитический или синтетический); 3) форма выражения субъекта ЗПЕ; 4) порядок следования ГПЕ и ЗПЕ относительно друг друга.

Сказуемым в зависимой части вепских ППК может быть финитный глагол, и тогда для выражения отношений между частями используются союзы:

(1) ср.-вепск. сибирск.

Konz tütär lugeb, mam nukkub. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

konz	tütär=Ø	luge=b	mam=Ø	nukku=b
когда	дочь=NOM	читать=Pr/3Sg	мать=NOM	засыпать=Pr/3Sg

‘Когда дочь читает, мать засыпает.’

В качестве зависимых предикатов могут выступать нефинитные формы глаголов – инфинитивы и причастия, тогда для выражения отношений между частями ППК используются падежные аффиксы, которые встраиваются в словоформу инфинитного сказуемого и сообщают событию ЗПЕ определённый тип отношения:

(2) ср.-вепск. сибирск.

Tütren luggedos mam nukkub. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

tütre= n	luge= do=s	mam=Ø	nukku=b
дочь= GEN	читать= INF₂=INESS	мать=NOM	засыпать=Pr/3Sg

Букв.: Во [время] чтения дочери мать засыпает.
‘Когда дочь читает, мать засыпает.’

В вепском языке возможны три способа выражения субъекта ЗПЕ: именем в форме генитива или номинатива, посессивной формой личного местоимения или существительного со значением родства, которые находятся в составе ГПЕ, возможно также отсутствие эксплицитно выраженного субъекта.

Вепский язык в целом характеризуется свободным порядком следования частей ППК, однако для отдельных типов конструкций имеются определённые тенденции расположения ЗПЕ относительно ГПЕ. Наиболее значительное преобладание одного порядка следования над другим наблюдается в целевых, причинных и изъянчительных конструкциях (80% примеров с постпозицией ЗПЕ), а также в условных и темпоральных (70% примеров с препозицией ЗПЕ).

Во второй главе «Структурные типы полипредикативных конструкций вепсского языка» проводится классификация ППК по формальным признакам – способу связи частей, форме выражения субъекта и предиката в ГПЕ и ЗПЕ и др.

В вепсском языке представлены две структурные разновидности ППК – монофинитные синтетические и бифинитные аналитические. В сибирском и пондальском говорах аналитико-синтетический тип ППК не зафиксирован. Аналитический тип конструкций является преобладающим в языке как сибирских, так и европейских вепсов, хотя исконными в уральских языках являются синтетические конструкции. В описываемых говорах они употребляются не так часто, как аналитические, но, как показало исследование, синтетический тип вепсских ППК – это живой, продуктивный, значимый тип. Кроме того, именно синтетические конструкции составляют специфику и своеобразие вепсского языка.

Первый параграф «Монофинитные синтетические ППК» посвящен описанию структуры монофинитных синтетических ППК в вепсском языке в сопоставлении с другими прибалтийско-финскими языками, прежде всего – финским, на материале которого эти конструкции описаны подробнее всего. В вепсском языке зависимые предикативные части могут оформляться с помощью двух стратегий – причастной и инфинитивной.

Причастия в вепсском языке участвуют в двух типах ППК – определительных и обстоятельственных. В определительных ППК причастия выполняют роль определения к подлежащему или прямому дополнению в составе ГПЕ, образуют с зависимым словом причастный оборот. В определительной функции используются все три причастия вепсского языка: I-е причастие актива, II-е причастие актива, пассивное причастие. В темпоральных ППК со значением следования в роли зависимого сказуемого выступает пассивное причастие с застывшим суффиксом партитива =*d*.

Инфинитивных форм в вепсском языке три: I-й инфинитив на =*da* / =*ta*, II-й – на =*dos* / =*tos* и III-й – на =*ma* / =*mä*.

Выбор инфинитивной формы диктуется ролью одного из актантов как в ЗПЕ, так и в ГПЕ:

1) если соотносимый актант является не-агентом обеих предикаций, то употребляется форма на =*da* / =*ta*:

(3) ср.-вепсск. сибирск.

Rašta liibad miniin söda. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

rašta=Ø	liiba= d	mini=Ø=in	sö= da
испечь=IMPER/2Sg	хлеб= PART	я=ALLAT=1Sg	поеть= INF ₁

‘Испеки хлеба, [чтобы] мне поеть.’

2) если субъект ГПЕ является также субъектом ЗПЕ, то используется форма на =*ma*:

(4) ср.-вепсск. пондал.

Vell äii Piterihe ečmäha sizard. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

vell=Ø äi=i=Ø Piteri=he eč=mä=ha sizar=d
брат=NOM/Sg поехать=IMPF=3Sg Питер=ILLAT искать=INF₃=ILLAT сестру=ACC
'Брат поехал в Питер искать сестру.'

3) если не-агенса ГПЕ является агенсом ЗПЕ, используется форма на =dos / =tos:

(5) ср.-вепсск.

Nägin' händas gogelo mändos. [Зайцева М. И. 1981: 270]

näg=i=n' hän=da=s goge=lo män=do=s
видеть=IMPF=1Sg он=PART=POSS/3Sg река=ALLAT/Sg идти=INF₂=INESS
Букв: Я видел его идущим на реку.
'Я видел его, когда [он] шёл на реку.'

Если в ГПЕ и ЗПЕ кореллентны два актанта, один из которых выполняет в зависимой предикации роль агенса, а другой – не-агенса, выбор инфинитивной формы осуществляется по коммуникативному статусу агенса. Если коммуникативный статус выше у агенса, употребляется форма III-го инфинитива на =ma, если у не-агенса – форма на =da [Агранат 2009: 24].

I-й инфинитив, III-й инфинитив в иллативе и абессиве образуют зависимый центр предикации в ППК, которые довольно активно употребляются в разговорной речи вепсов Сибири и Пондалы.

II-й и III-й инфинитивы в инессиве как сказуемые ЗПЕ в составе ППК в обоих говорах встречаются редко. В сибирском говоре они были отмечены только при работе с анкетными материалами, в пондальском, кроме этого, зафиксированы в письменных источниках [Зайцева М.И., Муллонен М.И. 1972; Зайцева М.И. 1981; Zaitseva M. 2001].

Различия между говорами касаются использования III-го инфинитива в падежных формах элатива и адессива. В сибирском говоре ППК с данным оформлением ЗПЕ не встретились, вместо этого употребляются отглагольные существительные в элативе и адессиве. В пондальском говоре ППК с III-м инфинитивом в падежных формах элатива и адессива в спонтанной речи не были отмечены, но конструировались некоторыми информантами по предъявленным образцам.

Таким образом, в языке сибирских вепсов предикативное склонение инфинитивов имеет меньшее количество позиций за счет перераспределения функций между инфинитивами и отглагольными именами. Пондальские вепсы располагают большим количеством инфинитивных типов сказуемых ЗПЕ (см. Таблицу 1 на с. 13).

**Структурные типы сказуемых ЗПЕ в сибирском и пондальском говорах
средневепского диалекта вепского языка¹**

Инфинитивы	Сказуемое ЗПЕ	Сибирский говор	Пондальский говор
I-й инфинитив	Tv=INF ₁	+	+
II-й инфинитив	Tv=INF ₂ =INESS	(+)	(+)
III-й инфинитив	Tv=INF ₃ =ILLAT	+	+
	Tv=INF ₃ =INESS	(+)	(+)
	Tv=INF ₃ =ABESS	+	+
	Tv=INF ₃ =ELAT	–	(+)
	Tv=INF ₃ =ADESS	–	(+)

На более раннем синхронном срезе можно наблюдать употребление исконных конструкций в южновепском диалекте:

(6) юж.-вепсск.

Ando hänlo mamš veden kandites seglan. [Kettunen 1920: 17]

ando=Ø hän=lo mamš=Ø vede=n kandi=**te=s** segla=n
дать=IMPF=3Sg он=ALLAT старуха=NOM вода=GEN носить=**INF₂=INESS** сито=ACC
'Дала ему старуха сито, [чтобы] воду носить.'

(7) юж.-вепсск.

Edes-tagas käudes kaks nedalit proidind. [Kettunen 1920: 90]

edes-tagas käu=**de=s** kaks nedali=t proidi=**nd**
вперёд-назад ходить=**INF₂=INESS** два неделя=PART пройти=**PP**

Букв.: В хождении туда-сюда прошло две недели.

'Пока ходил туда-сюда, прошло две недели.'

Примеры извлечены из сборника сказок, записанных Л. Кеттуненом у южных вепсов в начале XX в. [Kettunen 1920]. Монофинитные синтетические ППК встречаются в них не более 20 раз на 60 страницах вепского текста, причём в большинстве случаев это конструкции с целевым значением. Можно сделать вывод, что уже сто лет назад подобные конструкции не были частотными в речи вепсов.

В «Образцах вепской речи» [Зайцева М.И., Муллонен М.И. 1969] удалось найти несколько предложений с I-м и III-м инфинитивами в зависимой части, со II-м инфинитивом – ни одного; в «Словаре вепского языка» [Зайцева М.И., Муллонен М.И. 1972] и в «Синтаксисе вепского языка» [Zaitseva M. 2001] имеются примеры на все типы ППК с

¹ Знаком (+) отмечены формы, употребление которых зафиксировано в письменных источниках или обнаружено при анкетировании информантов.

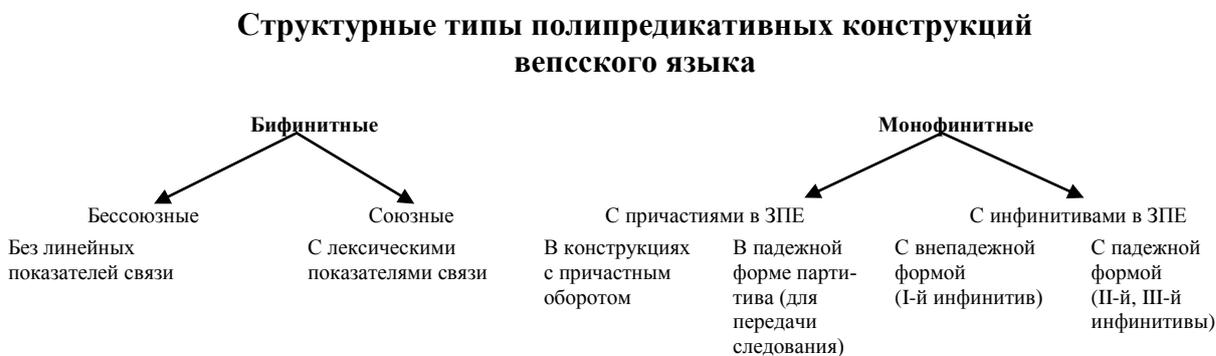
инфинитными предикатами, но на основе этих данных нельзя сделать вывод об их употребительности.

Таким образом, частотность употребления монофинитных ППК в современных сибирском и пондальском говорах сопоставима с фольклорными данными столетней давности. Соответственно, можно утверждать, что данный фрагмент синтаксической системы вепского языка отражает консервацию исходных черт.

Во всех привлечённых для сопоставления прибалтийско-финских языках: финском, эстонском, карельском и водском – используются монофинитные синтетические конструкции. Прибалтийско-финские языки различаются количеством отглагольных имён в функции ЗПЕ. Больше всего – пять инфинитивов – представлено в финском языке, в котором ППК с этими формами до настоящего времени являются общеупотребительными и передают самый широкий спектр отношений (темпоральных, изъяснительных, цели, условия, причины, уступки, образа действия). В эстонском, карельском и вепском языках в ППК функционируют три инфинитива, которые передают временные, целевые, изъяснительные отношения, а также значение образа действия. В эстонском и карельском языках синтетические ППК не являются частотными и общеупотребительными. В разговорной речи вепсов они практически не встречаются, хотя опознаются информантами и вполне им понятны. В водском языке сохраняются ППК с двумя инфинитивами, которые передают только целевые отношения; они встречаются довольно редко. Отличительной чертой водского языка по сравнению с другими прибалтийско-финскими языками является наличие аналитико-синтетического типа ППК (см. Таблицу 2 на с. 15). Сохранность полипредикативного синтаксиса напрямую зависит от социолингвистического статуса языка [Агранат 2009: 49]: количества говорящих, наличия письменности (нормирования), языковой политики, проводимой в отношении этих языков.

Во втором параграфе «Бифинитные аналитические ППК» представлены конструкции с лексическими показателями связи («союзные») и без лексических показателей («бессоюзные»), обобщаются структурные типы ППК вепского языка (см. Схему 2).

Схема 2



Структурно-семантическая классификация аналитических средств связи вепского языка опирается на принципы систематизации скреп, разработанные М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [1987] (см. Таблицу 3 на с. 16–17).

**Инфинитивы в прибалтийско-финских языках
и передаваемые ими типы отношений**

Инфинитивы	Тип отношения	Финский язык	Эстонский язык	Вепский язык	Карельский язык	Водский язык
I-й инфинитив	T _v =INF ₁	T _v =a/=ä	T _v =ma/=mä (супин)	T _v =da/=dä	T _v =a/=ä, T _v =da/=dä	T _v =a/=ä
	Темпоральные	+	+	–	–	–
	Обусловленность	+	+	+	+	+
	Изъяснительные	+	–	–	–	–
II-й инфинитив	T _v =INF ₂ = INESS T _v =INF ₂ = INSTR	T _v =e/=de=INESS T _v =e/=de=INSTR	T _v =da	T _v =do/=to=INESS T _v =do/=to=INSTR	T _v =e=INESS T _v =e=INSTR	T _v =ma/=mä (post) (супин)
	Темпоральные	+	+	+	+	–
	Обусловленность	+	+	+	?	+
	Изъяснительные	+	+	–	–	–
III-й инфинитив	T _v =INF ₃ =ILLAT	+	+	+	+	–
	T _v =INF ₃ =INESS	+	+ ^{*2}	+	+	–
	T _v =INF ₃ =ABESS	+	+	+	+	–
	T _v =INF ₃ =ELAT	+	+	–	–	–
	T _v =INF ₃ =ADESS	+	–	–	–	–

² Употребление в речи не зафиксировано. Форма отмечена только в пассивном запасе.

**Структурно-семантическая классификация аналитических скреп
вепсского языка**

Тип отношения	Скрепы			
	Одноместные		Неодноместные	
	Однокомпонентные	Многокомпонентные	Двухместные	Многоместные
Соединительные	<i>i</i> 'и' <i>da</i> 'да'			
Противительные	<i>a</i> 'а' <i>no</i> 'но'			
Разделительные	<i>libo</i> 'или' <i>ili</i> 'или' <i>vai</i> 'или'			<i>se ... se</i> 'то ... то'
Временные	<i>konz</i> 'когда' <i>ku</i> 'когда' <i>kut</i> 'как' <i>kudai</i> 'пока' <i>kuni</i> 'пока' <i>vaiše</i> 'только'	<i>kudai ei</i> 'пока не' <i>kut vaiše</i> 'как только' <i>edou kut</i> 'прежде чем' <i>gälghe seda kut</i> 'после того как' <i>kaikitčou kerdau kut</i> 'всякий раз как' <i>selle aighasai kudai</i> 'до того времени пока' <i>ses aigaspäi konz</i> 'с тех пор как' <i>edou temad kut</i> 'перед тем как' <i>päliči seda kut</i> 'через то как'	<i>konz ... ka</i> 'когда ... то' <i>kuni ... ka</i> 'пока ... то' <i>ku ... ka</i> 'когда ... то' <i>kut ... muga</i> 'как ... так' <i>konz ... silei (siloi)</i> 'когда ... тогда' <i>en ehtnü ... kut</i> 'не успел ... как' <i>vaiše ... ka</i> 'когда ... то' <i>kut vaiše ... muga</i> 'как только ... так' <i>sihessai ... kuni ii</i> 'до тех пор ... пока не' <i>vaiše-vaiše ... kut</i> 'только-только ... как'	
Причинно-следственные	<i>ka</i> 'то, так, поэтому' <i>sikš</i> 'потому, потому что' <i>sentäht</i> 'потому, потому что' <i>ika</i> 'не то' <i>muito</i> 'иначе'	<i>sikš mi (miše)</i> 'потому что' <i>sentäht mi</i> 'потому что' <i>päliči seda miše</i> 'из-за того что' <i>sen vigau mi</i> 'по причине того, что' <i>sespäi mi</i> 'от того, что' <i>sentäht ku</i> 'из-за того как' <i>ka sikš (i)</i> 'то потому и' <i>ka seda (i)</i> 'то потому и' <i>a se</i> 'а (не) то'	<i>ku ... znamoičeb</i> 'раз..., значит'	

Условные	<i>ku</i> 'если'		<i>ku ... ka</i> 'если ... то' <i>vaiše ... ka</i> 'если ... то'	
Целевые	<i>mi</i> 'чтобы' <i>miše</i> 'чтобы'			
Уступительные	<i>hot</i> 'хотя' <i>darom</i> 'хотя' <i>ku</i> 'даже если бы'	<i>darom miše</i> 'хотя, несмотря на то что'		
Сравнительно-сопоставительные	<i>ku</i> 'как' <i>kut</i> 'как' <i>kuti</i> 'как, как будто' <i>aniku</i> 'словно, как'		<i>muga ... miše</i> 'так ... что' <i>muga ... kuti (butto)</i> 'так ... как (будто)' <i>severz ... ka</i> 'столько ... что' <i>muga ... eskai</i> 'так ... даже' <i>severz ... kut i (butto)</i> 'столько ... как (и)'	
Изъяснительные	<i>ku</i> 'что' <i>kut</i> 'как' <i>mi</i> 'что' <i>miše</i> 'что' <i>mihe</i> 'что' <i>mida</i> 'что' <i>kus</i> 'где' <i>kuna</i> 'куда' <i>kuspäi</i> 'откуда' <i>konz</i> 'когда'			
Определительные	<i>kudamb</i> 'который' <i>mitte</i> 'какой' <i>kus</i> 'где' <i>kuna</i> 'куда' <i>kuspäi</i> 'откуда' <i>konz</i> 'когда'		<i>se ... kudamb</i> 'тот ... который' <i>sinna ... kus</i> 'туда ... где' <i>sigä ... kus</i> 'там ... где' <i>kaikäupäi ... kuna</i> 'отовсюду ... куда' <i>ned ... ked</i> 'те ... кто' <i>se ... ken</i> 'тот ... кто' <i>se ... mi</i> 'то ... что' <i>kaik ... ken</i> 'все ... кто'	

Во всех прибалтийско-финских языках бифинитные аналитические ППК являются доминирующим средством передачи разных типов отношений между событиями. Общим для всей группы прибалтийско-финских языков является полисемантический союз *ku*. В вепском, карельском и водском языках он является самостоятельным союзом: вепск. *ku* ‘когда, если, что, как’, водск. *ku* ‘когда, как, если’, карельск. *ku* ‘когда, если’. В других прибалтийско-финских языках он выступает в роли общего компонента скреп различной семантики: финск. *kun* ‘когда’, эстонск. *kui* ‘когда, если’, *kuni, kudai* ‘пока’, карельск. *kun* ‘если’.

Также общими для всей группы можно считать союзы изъяснительно-целевой семантики, например: финск. *että, jotta* ‘чтобы, что’, карельск. *jotta* ‘чтобы, что’, эстонск. *et* ‘чтобы, что’, водск. *jotti* ‘чтобы, что’. В вепском языке используются также изъяснительно-целевые союзы *mi, miše* ‘что, чтобы’. В остальных значениях вепские союзы сопоставимы с союзами родственных языков и отражают общий прибалтийско-финский стандарт.

В бесписьменных языках для выражения условия, уступки, причины активно используются заимствованные из русского союзы *jesli* ‘если’, *hot* ‘хотя’, *patamu-šta* ‘потому что’ и др.

В сибирском говоре вепского языка в полном объёме сохраняется состав собственных союзных средств, в то время как пондальский говор отличается большим количеством заимствований, ср.: пондал. *roka* ‘пока’, *ras* ‘если’ и др.

Третья глава «Функционально-семантические типы полипредикативных конструкций вепского языка (в сопоставлении с прибалтийско-финскими языками)» содержит функционально-семантическую классификацию вепских ППК. В **первом параграфе** анализируются способы выражения **диктум-диктумных** отношений. Диктум-диктумные конструкции делятся на три смысловых блока: темпоральные, обусловленности и сравнительно-сопоставительные.

Наиболее типичной формой выражения темпоральных отношений в вепском языке являются сложноподчинённые предложения с союзами, набор которых несколько различается по говорам.

(8) ср.-вепск. пондал.

Konz rištan läžui lehm, arbozotiba. [Зайцева Н. Г. 2002: 101]

konz	rištan	läžui=i	lehm=Ø,	arbozot=i=ba
когда	долго	болеть= IMPF =3Sg	корова= NOM /Sg	ворожить= IMPF =3Pl

‘Когда корова долго болела, ворожили.’

Однако, как показало исследование, в пондальском говоре не менее частотны бессоюзные сложные предложения или простая последовательность двух простых предложений, в которых темпоральные значения передаются соотношением видо-временных форм глаголов-сказуемых, а также лексическими средствами.

(9) ср.-вепсск. пондал.

Laps čaroihe, vändoi viištme. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

laps=Ø	čaro=i=he	vändo=i=Ø	viiš=tme
ребёнок=NOM/Sg	порезаться=IMPF=3Sg/REFL	играть=IMPF=3Sg	нож=KOM

‘Ребенок порезался, [когда] играл с ножом.’

В сибирском говоре бессоюзные сложные предложения для выражения временных отношений используются редко. Одинаково малоупотребительны в обоих говорах исконные конструкции с инфинитивами для выражения одновременности, хотя все информанты (сибиряки и пондальские вепсы) строят их без затруднений.

(10) ср.-вепсск.

Kodihe mändes hö vastsiba meid. [Бродский И. В. 2008: 151]

kodi=he	män=de=s	hö	vasts=i=ba	mei=d
дом=ILLAT	идти=INF ₂ =INESS	они	встретить=IMPF=3Pl	я=PART

‘Идя домой, они встретили меня.’

(11) ср.-вепсск. сибирск.

Ak laii mužikan vinan gödos. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2012 г.]

ak	lai=i=Ø	mužika=n	vina=n	gö=do=s
жена	ругать=IMPF=3Sg	муж=GEN	вино=GEN	пить=INF ₂ =INESS

‘Жена ругала мужа, когда [он] выпивал.’

Значение следования в обоих говорах регулярно передаётся монофинитной конструкцией с причастием в партитиве в функции зависимого предиката.

(12) ср.-вепсск. сибирск.

Lüpstud lehmid oigenzin hiid paimnelo. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2013 г.]

lüps=tu=d	lehm=i=d	oigenz=i=n	hii=d	paimne=lo
подоить=PPpass=PART	корова=Pl=PART	отправить=IMPF=1Sg	они=PART	пастух=ALLAT

‘Подоив коров, отправила их пастуху.’

Отношения предшествования в обоих говорах выражаются с помощью союзов.

(13) ср.-вепсск. сибирск.

Edou kut sauptin juknan, linduine lend. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2007 г.]

edou	kut	saupt=i=n	jukna=n	lindu=ine	lend=Ø
прежде	как	закрыть=IMPF=1Sg	окно=ACC	птица=DEM	улететь=IMPF/3Sg

‘Прежде чем я закрыл окно, птичка улетела.’

В других языках прибалтийско-финской группы временные отношения также выражаются в основном союзами недифференцированных и дифференцированных значений. При недифференцированных союзах средством передачи временных значений становится соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых; союзы дифференцированных значений однозначно передают временное отношение.

Во всех языках группы, кроме водского, сохранились исконные монофинитные темпоральные конструкции.

Финский язык располагает наибольшим количеством инфинитных форм и, соответственно, разнообразием монофинитных конструкций. В финском языке употребляются как в письменной, так и в устной речи инессивная и инструктивная форма II-го инфинитива, инессивная форма III-го инфинитива, транслативная («длинная») форма I-го инфинитива, пассивное причастие в партитиве, которые служат для выражения всех семантических типов темпоральных отношений.

В эстонском, карельском и вепсском языках сохранились две темпоральные монофинитные конструкции: с инессивной формой II-го инфинитива и пассивным причастием в партитиве, которые передают отношения общей временной соотносённости, одновременности и следования. В эстонском языке конструкция со II-м инфинитивом в инессиве больше употребительна в письменной речи, в вепсском она совсем исчезла из разговорной речи (отмечена только в анкетных материалах), в карельском языке, по всей вероятности, также не является частотной и общеупотребительной. Конструкция с пассивным причастием в партитиве для выражения следования одинаково употребительна во всех языках группы.

Основным средством выражения отношений **обусловленности** во всех прибалтийско-финских языках являются бифинитные ППК с союзной связью. Базовых союзов для каждой разновидности немного. Всё многообразие союзных средств создаётся использованием местоимений (или имён существительных определённой семантики) в падежных формах в сочетании с послелогом.

В сибирском говоре лучше, чем в пондальском, сохранились собственные союзы со значением обусловленности.

(14) ср.-вепсск. сибирск.

Vaiše sina void' libuda ičile pulo, sikš sina olod pahoin' hūpii. [Ульянов А. С., д. Мардай, 2008 г.]

vaiše	sina	voi=d'	libu=da	iči=le	pu=lo
только	ты	смочь=Pr/2Sg	залезть=INF1	сам=ALLAT	дерево=ALLAT
sikš	sina	olo=d	pahoin'	hūpii	
потому что	ты	быть=Pr/2Sg	очень	ловкий	

‘Только ты сможешь залезть на это дерево, потому что ты очень ловкий.’

В пондальском говоре утрачивались неспециализированные союзы, для более точной передачи того или иного типа отношений применялись специализированные средства (для условных отношений – формы кондиционала, для целевых – формы II-го и III-го инфинитивов).

Финский и эстонский языки отличаются от других языков прибалтийско-финской группы тем, что для выражения всех типов отношений обусловленности располагают только собственными союзными средствами. В карельском, вепсском и водском языках активно заимствуются из русского языка союзы причинной и уступительной семантики, реже – условной и целевой.

Отношения обусловленности в языках прибалтийско-финской группы могут передаваться и монофинитными синтетическими конструкциями. В финском и эстонском это возможно для всех значений обусловленности: причины, цели, условия и уступки. В бесписьменных языках – только для выражения цели.

Общим для всех языков прибалтийско-финской группы является маркирование ирреального условия показателем кондиционала, тогда как потенциальное условие выражается союзами или другими неспециализированными средствами.

Сравнительные отношения во всех языках прибалтийско-финской группы чаще всего передаются разнообразными монопредикативными конструкциями, реже употребляются ППК. При этом используются показатели степеней сравнения прилагательных, падежно-последовательные формы, предикаты со значением сравнения, союзы сравнительной семантики.

(15) ср.-вепск.

Hebo göksob kebnas, kuti lind lendab. [Zaitseva M. 2001: 133]

hebo=Ø	göksob=b	kebnas	kuti	lind=Ø	lenda=b
лошадь=NOM/Sg	бежать=Pr/3Sg	легко	как	птица=NOM/Sg	лететь=Pr/3Sg

‘Лошадь бежит легко, как птица летит.’

(16) ср.-вепск. сибирск.

Minun sizar vanhamba velled. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

minun	sizar=Ø	vanha= mba	velle=d
моя	сестра=NOM/Sg	старший=COMP	брат=PART/Sg

‘Моя сестра старше брата.’

Второй параграф посвящён **модус-диктумным** конструкциям. В вепском языке основным способом выражения модус-диктумных отношений является синтаксический: используются бифинитные конструкции с союзами недифференцированной семантики, бессоюзные сложные предложения и монофинитные ППК со сказуемым ЗПЕ – иллативной формой III-го инфинитива. Синтаксические средства маркируют вербальный, чувственный и когнитивный источники информации, представляют факт как достоверный; лексические средства обозначают источник информации, в достоверности которого говорящий сомневается.

(17) ср.-вепск. сибирск.

Sanutihe, miše homen linneb vihm. [Крылова А. В., д. Мардай, 2006 г.]

sanu=tihe	miše	homen	linne=b	vihm=Ø
сказать=IMPF/3Pl	что	завтра	быть=Pr/3Sg	дождь=NOM/Sg

‘Сказали, что завтра будет дождь.’

(18) ср.-вепск. сибирск.

Nägub, hän hüvä raddab. [Ульянов А.С., д. Мардай, 2007 г.]

nägu=b	hän	hüvä	radda=b
видеть=Pr/3Sg	он	хорошо	работать=Pr/3Sg

‘Видно, он хорошо работает.’

(19) ср.-вепск. сибирск.

Hän nägišt sindaiž kargaidamas. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2010 г.]

<i>hän</i>	<i>nägišt=Ø</i>	<i>sin=da=iž</i>	<i>kargaida=ma=s</i>
он	видеть=IMPF.3Sg	ты=PART=2SG	плясать=INF ₃ =INESS

Букв.: Он видел тебя в пляске.

‘Он видел, как ты плясала.’

Для выражения модус-диктумных отношений в других языках прибалтийско-финской группы, кроме синтаксических и лексических средств, используются также и морфологические средства. Специальные глагольные показатели эвиденциальности есть в эстонском и ливском языках. Здесь представлено косвенное наклонение, выражающее значение «неочевидного» действия, в реальности которого говорящий не уверен, потому что знает о нём только со слов какого-либо другого лица [Пялль и др. 1962: 172]. В вепском и водском языках отмечены одиночные формы потенциалиса в фольклорных текстах.

В общих чертах система модус-диктумных конструкций в прибалтийско-финских языках выстраивается следующим образом: информация, достоверность которой сомнительна или получена с чужих слов, передаётся морфологическими средствами (специальными наклонениями) и лексически. Достоверная информация передаётся синтаксически. Но в каждом языке способы выражения модус-диктумных отношений могут иметь свою специфику.

В третьем параграфе рассматриваются **релятивные** (определительные) конструкции. В вепском языке могут использоваться две стратегии образования определительных конструкций: инфинитная (причастная) и финитная. В определительных конструкциях с причастиями на месте релятивизируемой позиции – лакуна.

Причастная стратегия возможна в моделях с релятивизацией субъекта и объекта. При релятивизации субъекта позиция субъекта не выражается, при релятивизации объекта субъект ЗПЕ обозначается именем в адессиве.

(20) ср.-вепск. пондал.

Piteriš elai tütär paksus ajeloso mamha. [Медникова В. М., Пондала, 2012 г.]

<i>Piteri=š</i>	<i>el=ai</i>	<i>tütär=Ø</i>	<i>paksus</i>	<i>ajelo=so</i>	<i>mam=ha</i>
Питер=INESS	жить=PrP/Sg	дочь=NOM/Sg	часто	ездить=REFL/Pr/3Sg	мать=ILLAT

‘В Питере живущая дочь часто ездит к матери.’

(21) ср.-вепск. сибирск.

Ombödud tatau sapkad pidi kaik döroun. [Сердцова А. С., с. Иваничск, 2008 г.]

<i>omböu=dud</i>	<i>tata=u</i>	<i>sapka=d</i>	<i>pid=i</i>	<i>kaik</i>	<i>döroun=Ø</i>
шить=PPpass	отец=ADESS	сапог=NOM/Pl	носить=IMPF/Sg	весь	деревня=NOM/Sg

‘Шитые отцом сапоги носила вся деревня.’

В определительных конструкциях с финитным глаголом ЗПЕ релятивизируемая позиция занята относительным местоимением. Финитная стратегия действует в моделях с релятивизацией субъекта, прямого и косвенного объекта, сирконстанта и посессора.

(22) ср.-вепсск. пондал.

Nägin venehen, kudamb ujui gögeme. [Медникова Н. П., Пондала, 2012 г.]

näg=i=n venehe=n **kudamb** ujui=i=Ø göge=me
видеть=IMPF=1Sg лодка=ACC/Sg **который** плыть=IMPF=3Sg река=PROLAT
'Видела лодку, которая плыла по реке.'

(23) ср.-вепсск. пондал.

Ve sôm koiralo, kudambon tatkoï eglai sidoi. [Прохорова Г. П., Пондала, 2012 г.]

ve=Ø sôm=Ø koiralo **kudambo=n** tatkoï
отнести=IMPER/2Sg еда=NOM собака=ADESS **который=ACC/Sg** отец
eglai sido=i=Ø
вчера привязать=IMPF=3Sg
'Отнеси еду собаке, которую отец вчера привязал.'

(24) ср.-вепсск. сибирск.

Anda dengäd sille ristitulo, kudambuï mina ostin' röun. [Ульянова М.С., г. Ангарск, 2013 г.]

anda=Ø dengä=d si=lle ristitu=lo
отдать=IMPER/2Sg деньги=NOM/Pl тот=ALLAT человек=ALLAT
kudamb=uu mina ost=i=n' röun
который=ADESS я купить=IMPF=1Sg шуба=ACC/Sg
'Отдай деньги тому человеку, у которого я купил шубу.'

(25) ср.-вепсск. сибирск.

Rahvaz, kudambuiden veneh kukerzihe, zaottihe kuivata sobad. [Ульянова М. С., г. Ангарск, 2006 г.]

rahvaz=Ø **kudambu=i=den** veneh=Ø
люди=NOM/Pl **который=Pl=GEN** лодка=NOM/Sg
kuker=zi=he zaot=tihe kuiva=ta soba=d
перевернуться=REFL=IMPF3Sg начать=IMPF/3Pl сушить=INF1 одежда=PART
'Люди, чья лодка перевернулась, стали сушить одежду.'

Для обозначения релятивизируемой позиции сирконстанта относительное местоимение маркируется формантом аппроксиматива:

(26) ср.-вепсск. пондал.

Pert kudambonnu siizub hebo mösob. [Прохорова Г. П., Пондала, 2012 г.]

pert=Ø **kudambo=nnu** siizu=b hebo=Ø möso=b
дом=NOM **который=APPROX** стоять=Pr3Sg лошадь=NOM продавать=Pr3Sg
'Дом, возле которого стоит лошадь, продаётся.'

В других языках прибалтийско-финской группы релятивные отношения также выражаются двумя типами конструкций: монофинитными с причастием в ЗПЕ и финитными с аналитической связью. В языках с длительной письменной традицией одинаково употребительны определительные конструкции с финитной и причастной стратегиями релятивизации, так как языки подчиняются литературным традициям. В бесписьменных языках более употребительны определительные конструкции с финитным оформлением предиката ЗПЕ и релянтом – союзным словом.

В **заключении** подводятся выводы исследования. Сибирский говор входит в восточную группу средневепсского диалекта вепсского языка. Главным основанием для выделения сибирского говора как самостоятельного служат различия на всех уровнях языка,

выявленные при сопоставлении сибирского говора с куйско-пондальским, распространённым на исконной территории его бытования. Различия отмечаются в области фонетики, в системе глагольного словоизменения и в синтаксисе. Синтаксический строй пондальского говора преимущественно бифинитный бессоюзный, тогда как синтаксический строй сибирского говора – бифинитный союзный с преобладанием собственных средств связи. Синтетические полипредикативные конструкции одинаково малоупотребительны в речи вепсов Пондалы и Сибири, но предикативное склонение в вепском языке является живым грамматическим механизмом.

В настоящее время аналитические ППК в вепском языке более употребительны, чем синтетические конструкции (2/3 всех анализируемых ППК). Вепский язык располагает богатым арсеналом союзных средств для передачи всех типов смысловых отношений: насчитывается более 50 аналитических скреп, в то время как синтетических конструкций всего 8. Бифинитные ППК без союзного показателя составляют треть всех проанализированных бифинитных конструкций. Использование бессоюзной связи ограничено в основном причинной семантикой, реже бессоюзно оформляются условные и изъяснительные отношения.

В других прибалтийско-финских языках полипредикативные конструкции функционируют сходным образом. Основной состав инфинитных форм, падежей, способов оформления субъекта ЗПЕ в синтетических конструкциях один и тот же. Во всех прибалтийско-финских языках идёт процесс вытеснения исконных монофинитных синтетических конструкций бифинитными (союзными или бессоюзными), в бесписьменных языках он проходит активнее.

Синтетические ППК наиболее полно сохранились на сегодняшний день только в финском языке. Здесь они передают широкий спектр отношений между событиями ГПЕ и ЗПЕ: темпоральных (общей временной соотнесённости, одновременности, предшествования), обусловленности (причины, цели, условия, уступки), изъяснительных, образа действия. Наличие в финском языке бóльшего количества отглагольных имён, чем в прочих прибалтийско-финских языках, обусловлено литературной нормой и социолингвистическим статусом языка. В эстонском языке также сохраняются некоторые типы синтетических ППК для выражения отношений времени, обусловленности, способа действия и сопутного действия. В эстонском и вепском языках аналогичным образом функционируют ППК с пассивным причастием на *=tud / =dud* в ЗПЕ для выражения одновременности. В карельском языке полипредикативные конструкции с нефинитными формами глагола в ЗПЕ используются для передачи отношений времени, цели и образа действия. В водском языке исконные ППК сохраняются только для выражения цели, современный водский язык располагает несколькими конструкциями с отглагольными именами для выражения семантических оттенков целевых отношений.

Таким образом, использование исконных ППК в языках прибалтийско-финской группы напрямую зависит от социолингвистических факторов: численности говорящих, возрастных групп носителей, мест их проживания, передачи языка детям, государствен-

ной языковой политики, языковых контактов. Чем критичнее социолингвистическая ситуация в языке, тем меньше сохранилось в нём исконных средств выражения.

Большинство языков прибалтийско-финской группы находится в состоянии языкового сдвига – ситуации, когда исконные средства выражения тех или иных отношений заменяются заимствованными из типологически неродственных языков (например, из русского). Так, во всех прибалтийско-финских языках (за исключением финского) нарастает флективность, снижается агглютинативность, преобладает аналитический способ передачи сложной мысли, а исконный синтетический способ соединения частей сложного предложения исчезает, но тем не менее на сегодняшний день ни один из языков прибалтийско-финской группы его не утратил.

Список условных обозначений и сокращений

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ППК** – полипредикативная конструкция; **пондал.** – пондальский говор средневепского диалекта вепского языка; **сибирск.** – сибирский говор средневепского диалекта вепского языка; **ср.-вепск.** – средневепский диалект; **южн.-вепск.** – южновепский диалект.

ACC – винительный падеж; **ABESS** – абессив (лишительный падеж); **ADESS** – адессив (внешне-местный падеж нахождения); **ALLAT** – аллатив (внешне-местный направительный падеж); **GEN** – родительный падеж; **ELAT** – элатив (внутренне-местный отделительный (исходный) падеж); **ILLAT** – иллатив (внутренне-местный направительный падеж); **IMPER** – суффикс императива; **IMPF** – имперфект; **INESS** – инэссив (внутренне-местный падеж нахождения); **INF₁** – I-й инфинитив; **INF₂** – II-й инфинитив; **INF₃** – III-й инфинитив; **KOM** – комитатив; **NOM** – именительный падеж; **N_{ACT}** – суффикс отглагольного существительного; **PART** – партитив; **PASS** – пассив; **PI** – множественное число; **POSS** – притяжательный суффикс; **PP** – суффикс активного причастия прошедшего времени; **Pr** – настоящее время; **Sg** – единственное число; **Tv** – основа глагола.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

– научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций:

1) Иванова Г. П. Средства выражения причинно-следственных отношений в вепском языке [текст] / Г. П. Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2008. – № 4. – С. 71–77 (0,5 п.л.).

2) Иванова Г. П. Семантические типы условных предложений в вепском языке [текст] / Г. П. Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2009. – № 4. – С. 73–77 (0,5 п.л.).

3) Иванова Г. П. Полипредикативные конструкции с инфинитивами в форме инессива в вепском языке (в сравнении с финским) [текст] / Г. П. Иванова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2013. – № 3. – С. 205–220 (0,9 п.л.).

4) Иванова Г. П. Условные конструкции в вепском языке [текст] / Г. П. Иванова, Н. Б. Кошкарева // Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – Том 12. – Вып. 9: филология. – С. 89–101 (0,7 п.л.).

– статьи в научных изданиях:

1) Иванова Г. П. Социолингвистическая ситуация в вепском языке на территории Сибири (д. Мардай, Иваничск и Высотский Аларского района Иркутской области) [текст] / Г. П. Иванова // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 18. – Новосибирск, 2006. – С. 239–256 (1 п.л.).

2) Иванова Г. П. Аналитические полипредикативные конструкции со значением времени в вепском языке [текст] / Г. П. Иванова // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 19. – Новосибирск, 2007. – С. 163–178 (0,9 п.л.).

– публикации тезисов докладов на научных конференциях:

Иванова Г. П. Временные синтетические полипредикативные конструкции в вепском языке [текст] / Г. П. Иванова // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября, 2007 г.). – Новосибирск, 2007. – С. 106–109 (0,2 п.л.).